

Хуан Рамон Хименес (1881 - 1958) - один из крупнейших поэтов Испании, лауреат Нобелевской премии (1956). Настоящий сборник "Вечные мгновения", выходящий на испанском и русском языках, составлен на основе "Третьей поэтической антологии", над которой Хименес работал незадолго до смерти и в которую включил лучшее из того, что было им создано более чем за полвека. Ряд переводов в сборнике публикуется впервые.

Первые стихи
(1898 - 1902)

1. НА ЗАРЕ

Ночь
устала
кружиться...
Сиреневых ангелов стая
погасила зеленые звезды.

Под фиалковым пологом
даль полевая
проступила,
из тьмы выплывая.

И вздохнули цветы и глаза разомкнули,
и запахла роса луговая.

И на розовой таволге -
о, белизна тех объятий! -
полусонно слились, замирая,
как жемчужные души,
две юности наши
по возврате из вечного края.

Перевод А. Гелескула

Стихотворением "На заре" (Alba) открывается
"Третья поэтическая антология" Хименеса (первая вышла в
1917 году, вторая - в 1922).

2. ПРОЩАНИЕ

Как горячо целую
твою ладонь живую!

(Калитка на запоре.
На сердце одиноко,
и нелюдимо в поле.)

С какой тянусь тоскою
за снящейся рукою!

Перевод Б. Дубина

3

Найдем ли мы путь, живые,
туда, где она сейчас?

...Но к нам она путь отыщет
и, мертвая, встретит нас.

Перевод А. Гелескула

4. ЮНОСТЬ

Мы с тобой одни остались -
ты и я - в тиши балкона.
Ты моей невестой стала
этим утром полусонным.

...Вся природа в сладкой лени,
краски стерты, блеклы тени,
серо-розовое небо,
тускловатый свет осенний...

Я к тебе приблизил губы,
и, не поднимая взгляда,
ты подставила мне щеку,
расставаясь будто с кладом.

...Пожелтевших листьев груды
на глухих садовых тропах,
но еще разлит повсюду
аромат гелиотропов...

Я назвал тебя невестой;
ты молчание хранила,
но из глаз меланхолических
две слезинки уронила.

Перевод Н. Горской

5. ЮНОСТЬ

Когда сказал ей в тот вечер,
что я уеду наутро,
она, взглянув, улыбнулась,
но как-то странно и смутно.

Зачем ты едешь? - спросила.
В долинах нашего края
такая тишь гробовая,
как будто сам умираю.

Зачем ты едешь? - Я слышу,
что сердце крикнуть готово,
хочу кричать - и ни звука,
хочу сказать - и ни слова.

Куда ты едешь? - Куда-то,
где выше небо ночное
и где не будет так тихо
и столько звезд надо мною.

Ее глаза потонули
в тиши долин беспробудной,
и, погрустнев, она смолкла
с улыбкой странной и смутной.

Перевод А. Гелескула

Грустные напевы
(1902 - 1903)

Далекие сады
(1903 - 1904)

Пасторали
(1903 - 1905)

6

Заворожило излуку;
мирно забылась долина -
вся в зеленеющих ветлах
и белизне тополиной.

Словно душа ее дремлет,
и, околдованной дремой,
слышатся ей отголоски
флейты и песни знакомой.

Завороженные воды,
полудремотные струи;
сонно склоняются ветлы,
тихую заводь целуя.

И - все яснее и ниже,
ласковой все и приветней, -
небо в серебряной пене
нежит затоны и ветви.

Снилась мне эта долина
и эти воды в покое;
сердце к ним шло издалека,
чтобы уплыть за рекою,
но загрустило неожиданно
от долетевшего звука;
кто-то старинную песню
пел над другою излучкой.

Перевод Б. Дубина

7

Душе все роднее мгlistый
закат над листвою сухою.
Коснись меня, луч осенний,
своей потайной тоскою!

Деревья сырого сада
размыто сквозят в тумане
и кажутся нареченной,
с которой все ждут свиданья,
и тянутся листья с тропок
подобно живым ладоням...
Листком обернемся, сердце,
и в палой листве потонем!

Приветный, потусторонний
закат золотит аллею,
и самое потайное
под зыбким лучом светлее.

Ласкающий листья ответ
так нежен в касанье робком!
Созвучья иного лада
плывут по размокшим тропкам -
напевов и ароматов
согласие неземное,

что сад золотит нездешней
и вечной своей весной.

Сияние нежит листья
и, дымчато-золотое,
в душе зацветает смутной,
неведомой красотой.

Перевод Б. Дубина

8

Посох держа на плече,
смотрит пастух отрешенно,
как расплываются сосны
там, на краю небосклона;
тянется пыльное стадо,
тихое в час этот поздний,
и бубенцы под луною
все монотонней и слезней.

В белых туманах укрылся
хутор. Ни света, ни луга -
только сквозящая всюду
вечная чья-то разлука.

Речка в себе затаилась,

и, хоть не видно протоки,
из тишины непроглядной
слышно, как воды глубоки.
Все расплывается. Глухо,
словно над вымершим краем.
Лишь под луной золотою
плач бубенцов нескончаем.

Перевод А. Гелескула

9

Ночью ветер сбросил на землю статую Амура...
П. Верлен (фр.) .

Под вечер осенний ветер
сорвал золотые листья.
Как грустно деревьям ночью,
как ночь эта долго длится!

Безжизненно-желтый месяц
вплывает в черные ветви;

ни плача, ни поцелуя
в его помертвелом свете.

Я нежно шепчу деревьям:
не плачьте о листьях желтых;
весной заklubится зелень
на ветках, дотла сожженных.

Но грустно молчат деревья,
скорбя о своей потере...
Не плачьте о желтых листьях:
и новые пожелтеют!

Перевод С. Гончаренко

Эпиграф - из стихотворения Поля Верлена
(1844 - 1896) "Сброшенный Амур" (L'Amur par terre).

10

Я не вернусь. И на землю
успокоенье ночное
спустится в теплую темень
под одинокой луною.

Ветер в покинутом доме,
где не оставлю и тени,
станет искать мою душу
и окликать в запустенье.

Будет ли кто меня помнить,
я никогда не узнаю,
да и найдется ли кто-то,
кто загрустит, вспоминая.

Но будут цветы и звезды,
и радости, и страданья,
и где-то в тени деревьев
нечаянные свиданья.

И старое пианино
в ночи зазвучит порою,
но я уже темных окон
задумчиво не открою.

Перевод А. Гелескула

11

Я просто сказал однажды, -
услышать она сумела, -
мне нравится, чтоб весною
любовь одевалась белым.

Глаза голубые вскинув,
взглянула с надеждой зыбкой,
и только детские губы
светились грустной улыбкой.

С тех пор, когда через площадь
я шел на майском закате,
она стояла у двери,
серьезная, в белом платье.

Перевод Н. Ванханен

12

В то утро весеннего дня
она обнимала меня,
и, дол покидая зеленый,
пел жаворонок полусонный
про утро весеннего дня!

О бабочке - о белокрылой
летунье над пашнею стылой -
я ей рассказать не успел,
услышав: "Люблю тебя, милый!" -
и рот ее розой зардел!

Пылающими лепестками
меня ее рот покрывал,
а я ей глаза целовал...
"Хочу, чтоб своими устами
меня ты всю жизнь согревал!.."

А небо весеннего дня
синело спокойным забвеньем.
И жаворонок с упоеньем
немые будил зелена,
в дремотной округе звеня
хрустальным сияньем весенним -
в то утро весеннего дня!

Перевод П. Грушко

13. РАССВЕТ

Баюкая птичью стаю,
под вихрем слабеют ветви.
Три раза мигнул зеленый
маяк. Ни сверчка на свете!

В какую даль ураганом
забросило дом от дома!
Как тропы непроходимы!
Как прежнее незнакомо !

Все чудится не на месте.
И только цветы в аллее,
как вечером накануне,
сквозят, изнутри светлея.

Перевод Б. Дубина

14

Я ли хожу одиночкой
в комнатах дома ночного
или бродивший за садом
нищий сегодняшний? ..
Снова
вглядываюсь, и все здесь -
то же и словно иное...
Я ведь уснул уже? Разве
не зеленел под луною
сад мой? Окно было настезь...
Небо цвело синевою...
Сумрачен сад мой, а небо -
ветренное, грозное...
Кажется, с черной бородкой,
в сером я был, вспоминаю...
Я - с бородой поседевшей,
в трауре... Эта ночная
поступь - моя? Этот голос,
что и томит и тревожит, -
мой или эхо чужого?
Я - это я? Или, может,
сам я - бродивший за садом
нищий сегодняшний?
Снова
вглядываюсь... Ненастье...
сумерки сада ночного...

Дом обхожу... Или длится
сон? Борода с сединою...
Вновь озираюсь, и все здесь -
то же и словно иное...

Перевод Б. Дубина

15

"Не было никого. Вода". - "Никого?
А разве вода - никто?" - "Нет
никого. Это цветы". - "Нет никого?
Но разве цветы - никто?"

"Нет никого. Ветер прошло. - "Никого?
Разве ветер - никто?" - "Нет
никого. Воображенье". - "Нет никого?
А разве воображенье - никто?"

Перевод О. Савича

16

Из-за нежности я погубил свою жизнь. А. Рембо (фр.).

Черный ветер. А в черном ветре
ледяная луна бела.
В эту ночь Всех Святых повсюду
причитают колокола.

Со свинцового неба в духе
романтизма минувших лет
на сухие стволы часовен
темно-синий струится свет.

И гирлянды цветов, и свечи...
Как рыдают колокола!
...Черный ветер, а в черном ветре
ледяная луна бела.

Я бреду по дороге - мертвый,
в сонном свете, но наяву;
и мечтаю, мертвец, о жизни,
безнадежно немой, зову
тех, кто сделал меня безгласным...

Пусть искусаны до крови
мои губы, но снова красной
стала кровь моя от любви.

Сердце требует возрождения,
тело - сильных и нежных рук,
улыбнуться мечтают губы
и, прорвавши порочный круг,
искупить проливные слезы
всех изведанных мною мук.

Только разве отпустит сердце
глубочайшая из могил?
Завтра год, а быть может - больше,
как его я похоронил.

Холодок сентиментализма.
Черный ветер. Луна - бела.
В эту ночь Всех Святых повсюду
причитают колокола.

Перевод С. Гончаренко

Эпиграф взят из стихотворения Артюра Рембю
(1854 - 1891) "Песня самой высокой башни" (Chanson de la
plus haute tour).

Ночь Всех Святых - праздник Всех Святых отмечается
1 ноября.

17

Ко мне обернешься, плача,
в разгаре цветенья сада, -
ко мне обернешься, плача,
и я повторю: - Не надо.
А сердце в оцепененье
замрет, отходя от тяго г...
И сестринских пальцев тени
на лоб мой горячий лягут.
Я встречу твой взгляд печальный,
печалюсь тобой одною.
Я встречу твой взгляд печальный,
с его добротой родною.
И спросишь ты: - Что с тобою?
Но в землю взгляну я немо.
И спросишь ты: - Что с тобою?
И снова взгляну я в небо.
И вдруг улыбнусь в ответ,
- ты вздрогнешь, как от угрозы, -
и я улыбнусь в ответ,
чтоб вымолвить: - Вытри слезы...

Перевод А. Гелескула

18

Женщина рядом с тобой...
Музыку, пламя, цветок -
все обнимает покой.
Если с тобой ее нет,
сходят с ума без нее
музыка, пламя и свет.

Перевод М. Самаева

19

В полях печально и пусто,
одни стога среди луга.
Ложится вечер осенний,
и пахнет сеном округа.

Проснулся плач соловьиный,
а сосны замерли сонно,
и стал так нежносиренев
над ними цвет небосклона.

Уводит следом за песней
меня тропа луговая,
и веет осенью песня,
Бог весть кого отпевая, -
поет, как пела когда-то,
зовя ушедшего друга,
и падал вечер осенний,
и пахла сеном округа.

Перевод А. Гелескула

20

Нет, не из этого мира
звон ваш... И стужа сырая
стелется слезным туманом,
смутный мой облик стирая.

Зимней зеленой луною
катятся в ночь ваши стоны,
колокола. В полнолунье
дали страшны и бессонны.
Ночь, и, пока вы звените,
погребены все живые,
а погребенные живы,
наглухо двери входные,

настежь могилы...
О ночи
с зимней луною зеленой!
Колокола под луною!
Звон... Или плач отдаленный?

То, что на западе плачет,
плачет и там, на востоке,
плачет и в городе спящем,
где фонари одиноки,
плачет и в море бессонном,
плачет и в утренней рани,
где серебрится печально
свет над ночными горами.

Где вы, в каком вы селенье,
звонницы стужи? Который
час вами пробит? Сознание
меркнет, не видя опоры.
Гибельный зов запредельный
звона, подобного столам,
колоколов одичалых
в инее звезд!
И за звоном
слезный туман наплывает
и разливает потоки,
смыв меня с улицы спящей,
где фонари одиноки.

Перевод А. Гелескула

21

Встречают ночь переулки.
Все стало тихим и давним.
И с тишиною дремота
сошла к деревьям и ставням.

И ранние звезды юга
забрехали в небе вешнем -
в печальном апрельском небе,
фиалковом и нездешнем.

Горят за оградой окна.
Скулит у ворот собака.
На синеве чернея,
возник нетопырь из мрака.

О желтая дымка лампы
над детским незрячим взглядом,
и вдовьи воспоминанья,

и мертвые где-то рядом!
И сказки, что мы при звездах
рассказывали когда-то
апрельскими вечерами,
ушедшими без возврата !

А сумрак велик и нежен,
и слышно на отдаленье,
как ночь окликают зхом
затерянные селенья.

Перевод А. Гелескула

22
(Лето)

Сторож гремит на бахче
медью, и звон ее дальний
катится вслед за ворами
к темному бору, садами.

Вот уже нет никого,
и в одиночестве бора
смутно вдали проступают
темные мертвые горы.

Среди полей человек
выглядит крошечным, грустным...
Август. Сквозь дымку луна
катится грузным арбузом.

Перевод М. Самаева

23

Склоном земным исполин,
точно дозорный, взбирался
и далеко был виден
лунной помятой кирасой.

Передвигая руками
скалы и сосны, огромный,
огненным гребнем срезал он
крохотные загоны.

Вглядывался: ни души
на поле... И, безразличен
людям, шагал за своей
странной и грустной добычей.

Перевод М. Самаева

В лазури цветы граната!
Матросская слобода!
Какое легкое небо
и как листва молода!

Изменчивый ветер моря!
Матросская слобода!
Обветрена, сероглаза,
и горе ей не беда!

И женский голос заводит:
"Морской обычай такой -
мужчине море законом,
а сердцу - ветер морской!"

- Святая мать кармелитов,
пошли нам ясные дни
и наши весла, мадонна,
своей рукой осенй!

...Под вечер воздух мерцает,
закат - как сон наяву,
и капли слез золотые
вдали кропят синеву.

Как будто ветер вернулся
и даль морская близка -
и всех затерянных в море
нашла глазами тоска.

Изменчивый ветер моря!
Матросский родной очаг!
На сердце ладанка с лентой
и синий холст на плечах!

В лазури цветы граната!
Веселье в ладу с тоской.
Мужчине море законом,
а сердцу - ветер морской!

Перевод А. Гелескула

Святая мать кармелитов - Дева Мария-дель-Кар-
тель - покровительница моряков Испании (Кармель - гора
в северной части Палестины, где со второй половины XII
века находилась первая община нищенствующего монашеско-
го ордена кармелитов).

25

Вечерние дороги
свела в одну ночная.
По ней к тебе иду
и как дойти - не знаю.

По ней к тебе иду,
далекий, как зарницы,
как отголосок ветра,
как запах медуницы.

Перевод А. Гелескула

26

Селенье. Над темноватой
черепицей покатою
плачет зеленое поле
колокольчиком и цикадой.

Время мышей летучих
и ангелов сладкоголосых.
С косой на плече и с песней
косарь идет с сенокоса.

Кротких коров мычанье,
и веселый ребячий гомон,
и небесно-белые дымы,
и запах тепла и дома!

И луна, - сквозь дальние сосны
проплыв золотистым диском, -
наводняет пустыню поля
своим хрусталем игристым.

Перевод Н. Горской

27

Одним из колес небесных,
которое видит око,
на пустошь луна вкатилась
и ночь повезла с востока.

И на холмах собаки,
в потемках едва заметны,
закинув голову, лают
на свет округлый и медный.

А воз везет сновиденья
и сам едва ли не снится.
Лишь далью звезд обозначен
его незримый возница.

Перевод А. Гелескула

Забвение
(1906 - 1907)

Весенние баллады
(1907)

Элегии
(1907 - 1908)

Звонкое одиночество
(1908)

28. ОСЕННИЙ ДОЖДЬ (Плещет и плещет дождь монотонный)

Хлещет по окнам ливень осенний;
брызжут осколки струй на ступени,
вымыв до глянца листья сирени.
В сердце, как в поле, льет с небосклона...
Плещет и плещет дождь монотонно.

Тонут в тумане мутные дали,
тонет округа в смутной печали.
Луч розоватой диагональю
льется по мокрой раме оконной...
Плещет и плещет дождь монотонный,

В сердце и в поле так нелюдимо!

Рядом ни друга нет, ни любимой...
Юность проходит тщетно и мимо...
Лоб ощущает холод ладони.
Ливень осенний все монотонней.

Ливень, как слезы... Вечер и ливень...
Как не присниться сердцу и ниве,
будто их доля станет счастливей,
если прольется свет с небосклона?
Плещет и плачет дождь монотонно.

Перевод С. Гончаренко

Стихотворение создано, вероятно, под впечатлением

от знаменитого стихотворения Поля Верлена *Il pleure dans mon coeur*. В пользу этого говорят и сама тематика произведения Хименеса, и количество строк. Эпиграф (ставший у Хименеса рефреном) напоминает эпиграф, предпосланный Верленом своему стихотворению (автором эпиграфа, как указывает Верлен, является Артюр Рембо, но произведение Рембо, откуда взята эта строка, не найдено до сих пор).

29

Мы думали, что все на свете -
забвенье, щебень и зола...
А в сердце правда улыбалась
и часа своего ждала.

Слеза - горячею кровинкой
на белом инее стекла...
А в сердце правда улыбалась
и часа своего ждала.

Холодной слякотью покрылся
день черный, выжженный дотла...
А в сердце правда улыбалась
и часа своего ждала.

Перевод П. Грушко

30. КРЕСТНОЕ УТРО

Бог голубеет. Флейты и тамбурины
возвестили - свой крест подняла весна.
Пусть розы любви расцветают в долине,
пусть будет под солнцем земля зелена!
В поле пойдем, нарвем розмарина,
ветка любви
в розмарин, в розмарин вплетена.

"Полюби!" - я сказал ей под небом синим.
"Полюблю! - горячо шепнула она. -
Полюблю, когда срок прорастанья минет
и цветами свой крест оденет весна".
В поле пойдем, нарвем розмарина,
ветка любви
в розмарин, в розмарин вплетена.

"Крест уже зацветает под небом синим...
Весна... Крест любви... Лепестков белизна!"
А она: "Без любви мое сердце стынет!.."
И меня захлестнула света волна!
В поле пойдем, нарвем розмарина,

ветки любви
в розмарин, в розмарин вплетена.

Лента флейты, легкий флажок тамбурина.
Фантастических бабочек новизна...
Невеста моя, по-вешнему ты невинна
и в меня по-рассветному влюблена!

Перевод Н. Горской

31. ИДУ НЕУСТАННО

Иду неустанно;
и слушаю голос стеклянный
растоптанной мною равнины песчаной.

Иду неустанно;
седлать скакуна я не стану,
пускай я от прочих отстану, -
иду неустанно, -
отдам свою душу песчинкам стеклянным
растоптанной мною равнины песчаной.

Иду неустанно.
По дальним и ближним полянам
огромная ночь разлилась океаном.

Иду неустанно.
На сердце и сладко и странно;
со всем, что встречаю, сливаюсь нежданно -
иду неустанно! -
и ноги купаются в травах туманных,
и весь я наполнен теплынью медвяной.

Иду неустанно,
чтоб слышать все слезы и раны
дорог, о которых пою постоянно.

Перевод Н. Горской

32. ПОЭТ НА КОНЕ

Сон сиреневого цвета
над вечернею тропею!
Конь уносит в ночь поэта...
Сон сиреневого цвета!

Чистый час речной прохлады.

Влажный запах камышовый
проникает за ограды...
Тихий час речной прохлады.

Конь уносит в ночь поэта...
Сон сиреневого цвета!

А душа моя томится -
так тревожно и дурманно
душу бередит душица...
И душа моя томится.

Конь уносит в ночь поэта...
Сон сиреневого цвета!

Золотыми стали плесы...
За последним вздохом солнца
сон нисходит на откосы...
Золотыми стали плесы...

Сон сиреневого цвета
над вечернею тропею!
Конь уносит в ночь поэта...
Сон сиреневого цвета!

Перевод П. Грушко

33

Люблю зеленый берег с деревьями на кромке,
где солнце заблудилось и кажется вечерним
и смутные раздумья, душевные потемки,
плывут среди кувшинок, гонимые теченьем.

К закату? К морю? К миру? В иные ли пределы?
В реке звезда плеснула, и путь ее неведом...
Задумчив соловей... Печаль помолодела,
и в горечи улыбка мерцает первоцветом.

Перевод А. Гелескула

34

Этой смутной порой, когда воздух темнеет,
задыхается сердце и рвется на волю;..
Лег туман, отзвонили, звезда леденеет
над почтовой каретой семичасовою...
А закат, колокольня и ветви над домом
наполняются смыслом забытым и странным,
словно я заблудился в саду незнакомом,

как ребенок во сне, и смешался с туманом.

Развернется карета, застонут вагоны
и потянутся вдаль... если есть еще дали!
Я стою одиноко и замороженно,
не достигший отчизны паломник печали.

Перевод А. Гелескула

35

Детство! Луг, колокольня, зеленые ветки,
разноцветные стекла высоких террас.
Как огромная бабочка смутной расцветки,
вечер ранней весны опускался и гас.

И в саду, золотом от вечернего света,
птичье пенье росло, чтобы вдруг онеметь,
а прохладные волны приморского ветра
доносили из цирка плакучую медь...

И еще до того, как возник безымянно
и застыл во мне горечью привкус беды,
я любил, соловьинок, в безлюдье тумана
затихание мира и голос воды.

Перевод А. Гелескула

36

Ты все катишь, бывшее, в бедной старой карете.
Ты все таешь, мой город, возле сердца пригретый.
И слезою ты стынешь, о звезда на рассвете,
над зеленой долиной и над бедной каретой.

Зеленой стало небо, ожила мостовая.
Пряной свежестью ранней по обочинам веет.
И жуют свое эхо не переставая
ветряки, на которых заря розовеет.

А душа вспоминает муку слов торопливых,
белый всплеск занавески вслед карете бессменной,
переулок вечерний в синих лунных отливах,
поцелуи той ночи, последней, мгновенной...

И все катит бывшее в бедной старой карете.
И все тает мой город, возле сердца пригретый.
И одна ты светлеешь, о звезда на рассвете,
над зеленой долиной и над бедной каретой.

Перевод А. Гелескула

37

Под ветром растаяла туча сырая,
деревья подобны искрящимся кладам,
и первые птицы вернулись из рая -
и вырос закат заколдованным садом.

Зажги, о закат, мою душу и тело,
чтоб сердце, как ты, пламенело и крепло,
и жарче любило, и ярче горело.
...а ветер забвенья избавит от пепла...

Перевод А. Гелескула

38

Не знаю, кем она забыта...
Подняв ее с травы лесной,
я ощутил смущенье - словно
следила женщина за мной...

И в тот же миг поверхность флейты
покинул пряный аромат -
осталась память сновиденья,
благоуханного стократ.

Я заиграл на ней: так странно
мне подарил певучий звук
весеннюю зарю, девчушек
и розами покрытый луг,
нежданную печаль и нежность,
стеснившую смущеньем грудь,
как будто беглая улыбка
спешит во вздохе потонуть...
Грусть и веселье, смех и стоны
лились, как будто в полусне, -
так, словно женщина. внимала
неведомо откуда мне...

Перевод П. Грушко

39

Я розу грустную в тот вечер
в задумчивую флейту вдел,
чтоб музыкой и ароматом
озвучила сырой предел.

Пусть оживет в ней женский голос,
растерянность и доброта,

хрусталь печали и улыбки,
мед взгляда нежного и рта.

Пусть темнота и трепет пальцев
перебирают неспеша
ленивые уста, в которых
очнулась песня камыша -

точь-в-точь напев неразличимый,
слетающий с вечерних крон,
когда, едва коснувшись слуха,
меж листьев ускользает он...

И вот я розу к ней приставил,
чтоб не могли ее унести, -
пусть музыкой и ароматом,
рыдая, подает мне весть.

Перевод П. Грушко

40. ОДИНОКАЯ ЛУНА

Отзвучала сирена, и луна все печальней.
Потянуло с востока дорассветным туманом.
Лай собак замирает -на окраине дальней,
и весь мир исчезает, потонув в безымянном.

Свет луны разольется по кладбищенским ивам...
Вспыхнет мох под луною на старинном соборе...
Заблестят ее слезы в роднике торопливом...
И земля опустеет. И останется море...

Перевод А. Гелескула

Простое искусство
(1909)

Деревенские стихи
(1910 -1911)

Лабиринт
(1910 - 1911)

Печаль
(1910 - 1911)

Всеобщие стихи
(1911)

41. КОНЕЦ ОСЕНИ

Это дерево с ветхой листвою
стало солнечным шаром литым, -
это дерево скорбное стало
склепом мертвенным... и золотым.

Приготовилось к смерти спокойно,
примирилось уже, что мертво...
Два томительных месяца муки
позлатили страдания его.

Перевод П. Грушко

42. ПРЕДВЕСЕННЕЕ

Капли над водою...

По речным затонам
камышы пригнуло
к берегам зеленым.
Какдохнуло горько
поле молодое!

Капли над водою...

О челнок мой утлый -
в беспросветном мире,
как надежда, смутный!
Над рекой седою -
сердце сиротою!..

Капли над водою...

Перевод А. Гелескула

43. КОНЕЧНЫЙ ПУТЬ

...И я уйду. А птица будет петь
как пела,
и будет сад, и дерево в саду,
и мой колодец белый.

На склоне дня, прозрачен и спокоен,
замрет закат, и вспомнят про меня
колокола окрестных колоколен.

С годами будет улица иной;
кого любил я, тех уже не станет,

и в сад мой за беленою стеной,
тоскуя, только тень моя заглянет...

И я уйду; один - без никого,
без вечеров, без утренней капли
и белого колодца моего...
А птицы будут петь и петь, как пели.

Перевод А. Гелескула

44

Я погрузился в рощу.
Как роща благоухала!
Благоухала - непостижимо!

Я погрузился в речку.
Как она убегала!
Как убегала - непостижимо!

Перевод Н. Горской

45. К АНТОНИО МАЧАДО

Как в зеркало, в дружбу
глядят наши души...
А на закате стало небо
еще спокойней и бездонней.
Сегодня вечером повсюду
тебя я чувствую, Антонио.

А этот Аполлонов вечер,
он пахнет музыкой и раем,
и наши лиры мотыльками
в закатном пламени сгорают.
Ах, наши лиры на закате,
где струны - огненные струи!
Не к ним ли завтра эти розы
прильнут бессмертным поцелуем?

А ты - в дали, где солнце тонет, -
ты помнишь обо мне, Антонио?

Перевод С. Гончаренко

Мачадо Антонио (1875 - 1939) - испанский поэт,
эссеист и драматург. В 1936 году сам Хименес различие
между своей поэзией и поэзией Мачадо определил так: "Ан-
тонио Мачадо, великий поэт, пропускает мир сквозь себя,
переваривает мир внутри себя. Я же по-другому: я создаю

свой мир внутри себя".

В своем творчестве и Хименес, и Мачадо неоднократно обращались к античной мифологии, в частности, к образу Аполлона - покровителя искусства и бога солнца. В данном стихотворении Хименес, описывая закат и сравнивая лучи солнца со струнами лиры, дает характерную для обоих поэтов интерпретацию образа Аполлона.

46

(Гипускоа)

На потолке вагона размытый блик - светает?
Заплаканные окна туманятся белесо...
Смыкаются разрывы - и снова пролетают
прильнувшие друг к другу потемки и утесы.

Селеня пеленою окутаны, как снами,
которыми забылись . сырые луговины;
несокрушимы скалы, встающие над нами,
в тумане - или в небе? - пропав до половины.

Без остановки мимо... За изморосью хмурой
в мутнеющем оконце бегущего вагона
мелькнет полунагая прекрасная фигура:
Прощай!
Прощай!
Лишь капли бормочут монотонно.

Перевод Б. Дубина

Гипускоа - провинция, входящая в состав Страны Басков (северо-восток Испании).

47

Грядущие леса скрытно колыхнутся в нынешних. Морис де Герен (фр.) .

Омыла нам сердца тенистая вода,
и пахнет розами ручей среди малины.
А в небе на ветру колыхнется звезда,
льют нежный аромат нездешние долины.

Уже царит луна над отсветами дня.
В небесной ясности коза стоит на круче,
одна среди цветов, и падает, звеня,
капель бубенчика протяжно и плакуче.

Любовь так молода! Еще душа нежна,
как цвет на миндале, как стебель майорана,

еще блаженно спят под сердцем семена
грядущих горестей, посеянных так рано!

Перевод А. Гелескула

Герен Жорж Морис де (1810 - 1850) - француз-
ский поэт-романтик.

48

(... Черепицы
в дожде
и в цветах.
X. P. X.)

Бродят души цветов под вечерним дождем.
О ростки желтоцвета по кровельным скатам,
вы опять отогрели заброшенный дом
нездоровым и стойким своим ароматом!

Он как голос, который заплакать готов,
или сказка лесная, с лачугой в низине,
где невеселы краски, и много цветов,
и большие глаза нелюдимы и сини...

Привкус горя навек с этим запахом слит
и возник в незапамятно-давние годы...
Крыша пахнет цветами, а сердце болит,
словно эти цветы - его желтые всходы.

Перевод А. Гелескула

49. ПОЭТУ
для ненаписанной книги

Да сотворим имена.

Нам недолгая жизнь дана.
Жизнь вещей - и та коротка.
Остаются навеки одни имена:
не любовь - о любви строка,
не цветок - название цветка.

У любви и цветка
жизнь - бессмертье, когда им даны имена.
Да сотворим имена.

Перевод В. Андреева

Истории
(1909 - 1912)

Воскресные дни
(1911 - 1912)

Сердце в руке
(1911 - 1912)

Затишье
(1911 - 1912)

Задумчивое лицо
(1911 - 1912)

50
(Осень)

Русло, ширясь, пустеет от отлива к отливу.
Все мрачней и невзрачней топкий берег низовья.
Под мостом вороненым беглый луч торопливо
разрывает завесу, набухшую кровью.

Кромка моря! Как будто алмазная льдица
в глубь заката дрейфует... Пакетбот запоздалый
бросил якорь в лимане и застыл лебедино
в полированном небе холоднее металла.

Стали запахом дали. В обмелевшей низине -
тростниковые крылья. И, как тусклую ризу,
солнце ткёт - умирая, словно лист на осине, -
световые прожилки по кровавому бризу.

Перевод А. Гелескула

51

О эта девушка в раме!
С какой на меня тоскою
глядит она вечерами,
заслушавшись их покоя!..

...Сияя такой родною
звездой пути земного!
...Судьбою, забытой мною,
из мира сойдя иного!

Меняется все, что было,
И жалкая скоротечность,
что мучила и манила,

рассеивается... Вечность,
девический образ милый!

Перевод Б. Дубина

52. ПИРЕНЕИ (Воскресная ностальгия)

Подъезжаешь к Испании. Стелются тени.
Солнце замерло, стоя с вершинами вровень.
Мир открыт. Очертанья французских селений -
как бледнеющий фон в пятнах шиферных кровель.

Звон сальентских курантов плывет над округой.
Воскресенье. По рошицам ветер резвится.
Все прозрачнее небо. Дыхание юга
все хмельней. Все отчетливей волны пшеницы.

Доцветающий лог безмятежен и ласков,
и коровы мычат, разбредаясь низиной.
В самом сердце звучит переключка подпасков...
Снова родина гибель отводит от сына.

Тишь, безлюдье, блаженство. Омытые доли
в колокольцах, как небо в затепленных звездах.
Тишь, блаженство, безлюдье. Лишь нотой веселой
бубенцам и ручью откликается воздух.

Перевод Б. Дубина

Сальент - город в Каталонии, расположен непо-
далеку от Барселоны (юго-восток Испании).

53. ДЕРЕВЕНСКИЙ ПРАЗДНИК (Мраморный дворик старинного дворца)

Луч в радужной аркаде запутался, играя,
и отсвет зелен, розов, янтарен, фиолетов;
бежит вода из чаши и ниспадает с края
висячими садами несчетных самоцветов.

Осыпал клест округу руладою чеканной,
протившись со своею серебряною клеткой.
Пронизанная солнцем, дрожит струя фонтана,
мерцающая то багряной, то золотой расцветкой.

...Долина задремала. Одиннадцать. Ни тени.
Бьет колокол, и небо изранено стрижами.
И под волшебной синью толпятся сновиденья,
на немудреный праздник сходясь в безлюдном храме.

Перевод Б. Дубина

54. СЕЛЬСКИЙ КАРНАВАЛ

Неделя солнца и воды!
Веселье солнца и воды!
Моей любви, моей беды! -
...Похмелье солнца и воды!

Над карнавальной суетой
бьет в окна ливень золотой!
- А сердце бродит сиротой! -
И вечер серый и пустой...

- В ее зрачках вечерний свет,
как будто верности обет.
(Вечерний свет, неверный свет!)
Не узнаешь? - И да и нет...

Неделя солнца и воды!
Веселье солнца и воды!
Моей любви, моей беды! -
...Похмелье солнца и воды!

Перевод А. Гелескула

55. ЗЕЛЕНАЯ ПТАХА (Девушка)

Все было к исходу дня
лимонным и синим, мама.
Все было к исходу дня,
как на сердце у меня.

А сердце его глухое
молчало, меня казня!
...Все было к исходу дня
лимонным и синим, мама.

Перевод А. Гелескула

56

Уходит память,
тонкими ступнями
волнуя на ходу сухие листья.

Там, позади, покинутые стены,

а впереди все мертвенней и мгlistей
теснятся по обочинам деревья
и сотни глаз выплакивает ливень -
как будто слепнет замершее время.

Я позади, но дом необитаем,
меня там нет, и вспоминать не надо...
Что ж, распростимся с тою, что уходит,
не бросив даже взгляда!

Перевод А. Гелескула

57. ЛЮБОВЬ

Не будь же слеп!
Не поцелуй руки,
целуя хлеб!

Перевод А. Гелескула

58

Воскресный январский вечер,
когда ни души нет в доме!

...Зелено-желтое солнце
на окнах, и на фронтоне,
и в комнате,
и на розах...
И капают капли света
в пронизанный грустью воздух...
Протяжное время сгустком
застыло
в раскрытом томе...

На цыпочках тихо бродит
Душа в опустелом доме,
упавшую крошку хлеба
разглядывая на ладони.

Перевод С. Гончаренко

59. ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

По закатному золоту неба журавли улетают... Куда?
И уносит река золотая золоченые листья... Куда?
Ухожу по жнивью золотому, ухожу и не знаю - куда?
Золотистая осень, куда же?... Куда, золотая вода?

Перевод С. Гончаренко

60. В ТОСКЕ

Море за садом?
Сад за кормой?

Слушая песню, идти с нею рядом?
Слушать, как песня прошла стороной?

Перевод А. Гелескула

61. ГОРЬКО-СЛАДКАЯ ПЕСНЯ

Вспыхнуло солнце, родная моя,
и лучи вместо ливня пролились на сад.

Вспыхнуло солнце, родная моя,
и глаза мои свет, а не слезы струят.

Перевод С. Гончаренко

62. ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

Пели. Все время пели.
Где они пели - птицы, которые пели?

В дождевой канители заледенелы
голые ветки. Но - пели! Пели
птицы. В каком краю они пели -
птицы, которые пели?

В клетке - ни канарейки, ни свиристели.
Птицеловы не проходили. И опустели
рощи. Где ж они пели на самом деле?

Не знаю, где они пели,
птицы... Но пели - пели! -
птицы, которые пели.

Перевод Н. Горской

63

Художник, ты изобразил
меня так живо, так правдиво,
что верится мне: это - я;
теперь меня изобрази, во

всем не схожего со мной,
чтоб верилось: изображение - лживо.

Перевод В. Андреева

Чистота
(1912)

Золотое безмолвие
(1911 - 1913)

Идиллии
(1912 - 1913)

Памятник любви
(1913 - 1916)

64
(Апрель)

Рамону де Бастерре

Сад поливают. Свеже пахнет ранней
фиалкою. На лавре орошенном
ликует воробей.
Как хорошо нам,
поэтам, в ожиданье
апреля, словно бога молодого!

Душа яснее вместе с небесами!
И сердце, как гнездо, уже готово
под кротким зтим светом
ожить новорожденными птенцами, -
овеянное розою медовой
и ландышевым цветом.

Зеленый лавр мой, сердце молодое,
заря души:
- Так здравствуй, час грядущий!

...Не умолкает выводок, поющий
из потаенной кущи,
омытой вешней голубой водою!

Перевод Б. Дубина

Бастерра Рамон де (1888 - 1930) - испанский по-
эт(по национальности баск).

65

(Деревня)

Свежеет ночь, светлея.

Луной, уже косою,
белен забор.

Соцветия шалфея
под крупною росом
закрылись и почти не шевелятся,
но все душистее.

Зеленой дрожью
сквозит звезда из гущины акаций,
катясь во тьму слезинкою глухою...

Вращается земля...

И в час погожий,
в забытый час привета и покоя,
сама неприхотливость
прекрасна навсегда: и эти кони,
что мягким ржаньем на далеком склоне
зовут друг друга;
и сонный бриз; и нищая излука;
и трель сверчка... Петух звонкоголосый

ударил зорю, пробуждая розы
и высекая первый блик рассветный
в долинах неба...

Вифлеем нисходит
в любой закут невзрачный...

Цвета почти бесцветны
и как стекло прозрачны...

Перевод Б. Дубина

Вифлеем - в оригинале слово *belen*, означающее
"изображение рождения Христа".

66

(Деревня)

Блеял ягненок, малыш-непоседа,
осел, вдохновенно и страстно,
рассказывал что-то соседу.
И пес громогласно
со звездами вел беседу.

Я пробудился. И вышел. И слепо
пошел по небесному следу,
по волнам цветочного полотна,
по росному слепку
облачного руна.

В мареве теплом неясном
опушка ближнего леса;
горизонт, золотой и атласный,
полон лунного блеска,
как сказочная страна.

В груди какие-то всплески,
словно плещет струя вина.

Дверцу в сказку я приоткрыл с опаской -
и Младенца в яслях осветила луна.

Перевод Н. Горской

67. БЛАГОВЕСТ

Глубокий час, сиреневый и синий,
в янтарных теплых звездах!

Плеща колоколами,
как темными крылами,
гудит вечерний воздух. -

Прозрачно растекается в низине
каленный ветер горный,
клоками рдеет облачное пламя,
и небеса просторны.
Ангел детства,
такой же светозарный, тихо реет.

- Плеща колоколами,
как темными крылами,
округа вечереет. -

Последних роз вершится чародейство,
и смутной головою
клонюсь я к саду, к теплым самоцветам,
зелено-голубым за полумглою.
И сердце не печалью,
но золотом и светом
исходит...
Лишь теперь я различаю
грядущий день твой, светлое бывшее!

Перевод А. Гелескула

Лишь ветер, затихая,
шумит перед закатом
в моей пустой руине.
Вокруг земля сухая
об урожае снятом
печалится донныне.

А ветер так знакомо
другому откликается... какому?
И дышит в этой свежести иная...
Не эту ли прозрачность окоема
я смутно вспоминаю?

И свежесть, как душа зеленой птицы,
к долинам вечных песен отлетая,
в моих глазах пустынных золотится
и, вечности прозрачная частица,
пронизывает сердце, золотая.

Перевод А. Гелескула

69
(Осень)

Деревья - ярче костра
в осенние вечера...
На прибранном этом поле,
в этом сквозном раздолье,
где нет ни души, они
так бесконечно одни!

Смешны им наши вопросы!
Нас видят эти колоссы
насквозь - прожигает нас
золото вечных глаз.
Душам нашим в укор
солнечный их убор!

Перевод П. Грушко

70. ПОСЛЕДНИЙ ЛУЧ

Луч под вечерней кроной, ты покинут?

Твой день ушел, луч под вечерней кроной!

Взгляни, малыш - ты слишком заигрался
с ее листвой зеленой!

Твой день ушел. Что станется с тобою?

...Останься же на этом
листочке бесцветном и мои потемки
позолоти навек последним светом.

Перевод А. Гелескула

71

Пришел, как жизнь, короткий,
прощальный, тихий вечер.
Конец всему родному...
А я хочу быть вечным!

Листву в саду кровавая
и душу мне увеча,
пылает медь заката...
А я хочу быть вечным!

Как этот мир прекрасен!
Не задувайте свечи...
Будь вечным этот вечер,
и я да буду вечен!

Перевод С. Гончаренко

72

Поддай мне, надежда, руку,
пойдем за незримый гребень,
туда, где сияют звезды
в душе у меня, как в небе.

Закрой мне другой рукою
глаза и потусторонней
тропинкой веди, слепого.
от снега твоей ладони.

Зато мы такие дали
увидим при свете грусти:
под полной луною сердца
любви голубое устье.

Меня схорони во мне же
от жара мирской пустыни
и путь протори в глубины,
где недра, как небо, сини.

Перевод С. Гончаренко

73

Безудержной волной
была ты и ушла из-под ладоней!
На чьей груди замедлится твой бег
и где замрет он заводью зеркальной -
и ты уйдешь, затихшая, в себя,
в глубь жаркого и сказочного моря?

О свежий ключ, который вечно бьет
в тебе и без конца в тебя уходит,
затягивая все, чем истомился,
в оцепенелый свой водоворот!

Перевод А. Гелескула

74

О, как же ты глядела !
Казалось,
моя жестокость откромсала веки.

И я рванулся, -
из последней дали!
как тонущий, к живой твоей душе,
на вечный свет - к радушью маяка
на берегу спасительного тела !

Перевод А. Гелескула

75

(Оберон - один)

Ты мне принадлежала,
как отраженье дерева реке,
и я, не разлучаясь, убегал,
и ты, не разлучаясь, оставалась...
Но стоило подуть однажды ветру
и небу потемнеть, как ты исчезла.

Перевод А. Гелескула

Это и следующее стихотворение - из цикла "Памятник любви" (Monumento de amor; 1916). Цикл создан под впечатлением от комедии Шекспира (1564 - 1616) "Сон в летнюю ночь".

Оберон и Титания - персонажи этой комедии, царь и царица фей и эльфов.

76

(Оберон к Титании)

На море штиль, серебристая ночь
хочет помочь мне развеять унынье.
Путь до тебя и закатов твоих
выстелен сплошь неподдельной синью.

Ах, если бы мне
доплыть до тебя на этой луне!

Перевод М. Самаева

Духовные сонеты
(1914 - 1915)

Лето
(1915)

77. НИЧТО

Высокой мысли башню крепостную
в твоей глуши я выстрою на взгорье,
и сердце с высоты осветит море,
багряной пеной волны коронуя.

Я сам затеплю искру золотую,
в моих потемках сам зажгу я зори,
в себе самом, единственной опоре,
обретший мир... А будь это впустую?

Ничем, ничем! .. И сердце, остывая,
пойдет ко дну, и крепостные своды,
холодные, застынут нелюдимо...

Ты - это ты, весна! Душа живая,
ты воздух и огонь, земля и воды!
...а я лишь мысль и ничего помимо...

Перевод А. Гелескула

78. МИМОЛЕТНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Как это было, как все было, Боже?
- Ты лживо, сердце. Разум, ты в смятенье.

Все было словно ветра дуновенье?
Или на легкий бег весны похоже?

Так зыбко было, словно в летней дрожи
пух одуванчика, одно мгновенье
живущего... И так исчезновенье
улыбки в смехе незаметно тоже...

Дыханье ветра, одуванчик, крылья
весны июньской, тонкая улыбка...
о память горькая, пчела слепая!

все перешло в ничто - и без усилия
малейшего... все так легко, так зыбко...
И знать - что ты была, какой - не зная!

Перевод В. Андреева

79. ОКТЯБРЬ

Я наземь лег - и, ярко догорая,
вечерняя заря передо мною
слилась в одно с осенней желтизною
в кастильском поле без конца и края.

За плугом борозда, еще сырая,
ложилась параллельно с бороздою,
и пахарь шел, рукой своей простою
в земное лоно зерна посылая.

И думал я: настало мое время -
я вырву сердце, звонкое, живое,
вручу земле, пока не отзвенело,
и поглядим, взойдет ли это семя,
чтоб по весне высокою листвою
нетленная любовь зазеленела.

Перевод А. Гелескула

80

И сердце в пустоте затрепетало
так залетает с улицы порою
воробышек, гонимый детворою,
в немую тьму покинутого зала.

Бездонный мир оконного кристалла
впотьмах морочит ложною игрою,
и птица с одержимостью героя
стремится прочь во что бы то ни стало.

Но темный свод отбрасывает с силой
за разом раз, пока мятеж убогий
не обескровит каменная балка.

И падает комок, уже бескрылый,
и кровью истекает на пороге,
еще дрожа порывисто и жалко.

Перевод А. Гелескула

81. ОКТЯБРЬ

Сквозь бирюзу речной зеркальной глади
луч золотит замшелые глубины;
по золоту последние жасмины
рассыпались и тонут в листопаде.

В зеленом небе, в тихой благодати,
за облаками в отсветах кармина
у края мира высится надмирно
нездешний сад; И дивно на закате.

Какой покой! С поблекшего каштана
смеется дрозд. И облако сникает
бескрасочно, и поздняя пчела
сгорает искрой света...
И нежданно
в каком-то вздохе роза возникает,
тоскуя, что еще не умерла.

Перевод А. Гелескула

82. НАДЕЖДА

Надеяться! И ждать, пока прохлада
туманом наливается дождливым,
сменяет розу колос, и по жнивам
желтеют отголоски листопада,
и с летом соловьиная рулада
прощается печальным переливом,
и бабочка в полете торопливом
теплу недолговременному рада.

У деревенской лампы закоптелой
мою мечту качая в колыбели,
осенний ветер шепчет над золою...

Становится нездешним мое тело,
и старые надежды поседели,

а я все жду и жду... свое бывшее...

Перевод А. Гелескула

83

Судьба взяла мое сердце
и тебя вложила мне в грудь.
Ты меня не можешь отторгнуть,
я тебя не могу отторгнуть, -
друг без друга нам не вздохнуть!

Ты и я, я и ты - это мы с тобою,-
эти звенья не разомкнуть!
Море и небо, связанные судьбою,
небо и море суть.

Перевод Н. Горской

84. 17 ИЮЛЯ

Как мальчик, сытый по горло
учебой, что-то рисует -
без цели и без сюжета,
так и я бездумно тасую
птиц безголосых,
тучу безгрозовую, пустую
комнату без отголосков
и цветы без цвета...

...Сколько слов туманных,
произнесенных всуе!..

Тоскуют земля и небо,
и я
тоскую.

Перевод Н. Горской

85

Надежду свою, подобно
блестящему украшенью,
из сердца, как из футляра,
я бережно вынимаю;
и с ней гуляю по саду,
и нянчу ее, как дочку,
и, как невесту, ласкаю,
...и вновь одну оставляю.

Перевод Н. Ванханен

86

Мое сердце ушло вперед, -
так часы убыстряют ход,
размечтавшись о светлом часе...

Но ко мне не явилось счастье:
уломать его не дано
никому из нас - ведь оно
не отметка на циферблате!

Хмурой явью заволокло
это суетное число,
обреченное на распятие...

Отвожу, объятый тоской,
стрелку сердца на непокой!

Перевод П. Грушко

87

Летят золотые стрелы
с осеннего поля брани.
И в воздухе боль сочится,
как яд, растворенный в ране.

А свет, и цветы, и крылья
как беженцы на причале.
И сердце выходит в море.
И столько вокруг печали!

Все жалобно окликает,
все тянется за ответом -
и слышно: - Куда вы? .. Где вы? .. -
Ответ никому не ведом...

Перевод А. Гелескула

88. ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Лишь ты со мною, солнце, друг душевный!
Как пес, ты лижешь кромку одеяла,
и в золотой подшерсток зарываюсь
рукой усталой.

И все пережитое
отходит... дальше... дальше!
Я немею
и только улыбаюсь как ребенок,
почти утешен ласкою твоею.

Глаз не смыкаешь, солнце,
надежный сторож всех моих падений,
и, заходясь невнятицей и гневом,
бросаешься на тени,
пустые наваждения, безмолвно
грозящие в закатном запустенье.

Перевод Б. Дубина

Дневник поэта-молодожена
(1916)

Вечные мгновения
(1916 - 1917)

89
(Мадрид, 20 января)

Гвоздь потоньше, гвоздь потолще...
Что с того, какой войдет?
Как ни бейся, мое сердце,
а картина упадет.

Перевод А. Гелескула

Это стихотворение и следующие три - из книги
"Дневник поэта-молоджена" (Diario de un poeta recién casado;
1917), созданной Хименесом во время его первой поездки в
Америку. Поэт отплыл из города Кадис в конце января 1916
года и вернулся в Испанию пять месяцев спустя - в конце,
июня.

90
(20 февраля)

Тебя, как розу,
я растерзал, отыскивая душу,
и не нашел ее.
Но все вокруг,
весь окоем и все за окоемом -
и море, и земля
все налилось
живительным и смутным ароматом.

Перевод А. Гелескула

91. МОЛЧАНИЕ

Ни разу до этой минуты
так тяжело не падало слово
"молчи"
словно рот забивая
землю...
До этой минуты,
когда так напрасно я ждал,
что ты мне ответишь,
болтунья!

Перевод А. Гелескула

92. НУ, НАКОНЕЦ! (20 июня, четыре утра)

Луна, еще не снятая с мели,
слепит
ночную половину моря,
темно-лилового, где, полные норд-вестом,
темно-лиловые разбухли паруса,
отсвечивая розою востока...
Посеребренный маленький маяк
выкрикивает трижды:
Земля! Земля! Земля!

Опять земли.
Последняя. И первая. Моя.
Земля!

Перевод М. Самаева

93

Камень вчерашнего дня
брось и усни. И опять
он возвратится к тебе
утренним солнцем сиять.

Перевод Н. Ванханен

94

Впервые она предстала
в одеждах белее снега, -
я, словно мальчишка, влюбился.

Менять принялась наряды:
один роскошней другого,
я стал ее ненавидеть.

Затем предстала царицей
в сверканье камней драгоценных,
я был вне себя от гнева.

...Но стала она раздеваться.
И я тогда улыбнулся.

Осталась она в тунике -
прекрасна и непорочна.
И вновь я в нее влюбился.

Но вот сняла и туннику,
она впервые - нагая...
О страсть моей жизни, поэзия
нагая, моя - навеки!

Перевод В. Андреева

95

Сегодняшняя правда
была настолько ложью,
что так и не смогла осуществиться.

Перевод А. Гелескула

96

Я снова у моста любви,
соединяющего скалы,
свиданье вечно, тени алы
забудься, сердце, и плыви.

- Мне за подругу вода речная:
не изменяясь, не изменяя,
она проходит, и век не минет,
и покидает, и не покинет.

Перевод А. Гелескула

97

Твой сон - как мост в ночных просторах,
ты по нему бредешь в тиши.
Внизу - как сновиденье - шорох
не то воды, не то души.

Перевод П. Грушко

98

Я узнал его, след на тропинке,
по тому, как заныло сердце,
на которое лег он печатью.

И весь день я искал и плакал,
как покинутая собака.

Ты исчезла... И в дальнем бегстве
каждый шаг твой ложился на сердце,
словно было оно дорогой,
уводившей тебя навеки.

Перевод А. Гелескула

99

Не торопись, поскольку все дороги
тебя ведут единственно к себе.

Не торопись, иначе будет поздно,
иначе твое собственное "я",
ребенок, что ни миг - новорожденный
и вечный,
не догонит никогда!

Перевод А. Гелескула

100 Нищета

- Хотя бы отзвук птицы,
заглохший на лету!

Забывтый запах розы
в заботливых глазах!

И синий отсвет неба,
погасший на слезах!

Перевод А. Гелескула

101

Явилась черная дума,
как будто бы птица ночи
в окно среди дня влетела.

Как выгнать ее - не знаю!

Сидит неподвижно, молча,
цветам и ручьям чуждая.

Перевод Н. Ванханен

102

Мимо иду - тополя
песню поют под ветром;
и каждый, и каждый, когда прохожу,
о любовь! - забвенье
и воскрешенье другого.

Один только тополь, один - о любовь!
ноющий!

Перевод В. Андреева

103. ПЕСЕНКА

Душу мне солнце заката
озолотило вчера.
Золото вынул я ночью,
глянул. Одна мишура!

Сердцу луна на рассвете
бросила горсть серебра.
Двери я запер наутро,
глянул. Одна мишура!

Перевод А. Гелескула

104. МЕРТВЫЙ

Остановились чаши на весах:
одна в земле,
другая в небесах.

Перевод А. Гелескула

105

Я знаю, наверно,
я вечности древо
и кровью моею
накормлены звезды,
а птицы в листве -
мои сны и мечты.
И если паду я,
подрубленный смертью, -
обрушится небо.

Перевод М. Самаева

106

Я не я.
Зто кто-то иной,
с кем иду и кого я не вижу
и порой почти различаю,
а порой совсем забываю.
Кто смолкает, когда суесловлю,
кто прощает, когда ненавижу,
кто ступает, когда отступаюсь,
и кто устоит, когда я упаду.

Перевод А. Гелескула

107

Я как бедный ребенок,
которого за руку водят
по ярмарке мира.
Глаза разбежались
и столько мне, грустные, дарят...
И горше всего, что уводят ни с чем!

Перевод А. Гелескула

108

О да! С усилием густую крону
природы лбом раздвинуть пред собой.
И, дав своим раздумьям больше света,
навек заключить их в круг иной,
расширенный! ..

Чтоб бесконечность эта,
оставшаяся вне, была такой,
как улица пустая в день воскресный:
безмолвной, неживой, неинтересной
и духу озаренному -
чужой.

Перевод Н. Ванханен

109

Давно уже созрело мое сердце,
и для него - что петь,
что умирать.

Как чистая страница

для дум и сновидений,
раскрыта книга жизни,
раскрыта книга смерти.

И в той, и в этой - вечность, мое сердце.

Одна и та же. Пой и умирай.

Перевод А. Гелескула

Камень и небо
(1917 - 1918)

Поэзия
(1917 - 1923)

Красота
(1917 - 1923)

110. РАССВЕТ

(Пять часов)

Младенец заплакал...
Мирозданья вершины
на рассвете плача!
И крик петушиный.

Младенец заплакал...
Всего мирозданья
детские губы!
И холод ранний.

Перевод Н. Горской

111

На целый день
я отдаю мое сердце:
матери - розой,
морю - любовью,
славе - печалью...

Ночь на дворе,
а сердце мое, непослушный ребенок,
еще не вернулось.
- Спи, сынок, - шепчет мама.
Я улыбаюсь и уже засыпаю,
а его еще нет.
А утром:
- Сынок, полежал бы еще...
Каким криком радости ты, мое сердце, во мне
теснишься за миг до того, как уйти!

Перевод М. Самаева

112. СМЕРТЬ

Завороженно
- на воскресном солнце
глядели в пустоту калейдоскопа
твои большие черные глаза.

И вот они, печальные, закрылись...

И ты теперь - пустой калейдоскоп,
душа твоя полна цветных узоров,
и, глядя вглубь, ты с них уже не сводишь
зрачков, замороженных навсегда!

Перевод А. Гелескула

113. МОРЯ

Я чувствую, что в темной глубине
мой парусник на что-то натолкнулся
огромное...
И только. Ничего
не происходит! Волны... Тишина...

А если все уже произошло

и, безмятежных, нас переменяло?

Перевод А. Гелескула

114. НОЧЬ

Крик среди моря!

Чье сердце, ставши волной, - о волны грусти!
в море кричало? Голос, откуда голос?
Какие крылья тебя занесли в пучину?

...Каждый вал тебя увлекает, и - вал рассекая грудью,
острей, чем плавник дельфина, - ты снова исходишь
криком:

хрипом, хрипом, хрипом...

О, крыльев парус бессильный! На крыльях ласточки
хрупкой

все дальше, все глубже, глубже, глубже...

Крииик среди моооря!..

Разве поможет звездное эхо?

Крииииик среди моооооря!..

Перевод Н. Горской

115

Светозарная бабочка,
но красота исчезает, едва прикасаюсь
к розе.

Слепец, я бегу за ней...

Пытаюсь поймать...

И в моей руке остается
очертанье исчезновенья.

Перевод В. Андреева

116. НОКТИУРН

Моя слеза и звезда
друг с другом слились, и в мире
стало больше одной слезой,
стало больше одной звездой.

Я ослеп, и ослепло
от любви небо,
переполненное до края
жалобой звезд, блеском слез.

Перевод В. Михайлова

117. НАСТОЯЩЕЕ

Необъятное сердце
в ежедневном сиянии солнца
дерево, шелестящее пламенем листьев,
апельсин синевы небесной!

Да станет истина дня - великой!

Перевод В. Андреева

118

Был ее голос отзвуком ручья,
затерянного в отсветах заката,
или последним отсветом закатным
на той воде, которая ушла?

Перевод А. Гелескула

119. ЛЮБОВЬ

Мое сердце
словно свинцовая туча,
сожженная пламенем заката;
сжавшееся, потемневшее от боли,
пронзенное - светом, пламенем, золотом!

Перевод В. Андреева

120. ВЕЧЕР

Блуждая среди равнин
в закатном золоте, мне говорит душа,
что с миром я - один!

Перевод В. Андреева

121. БЕССОННИЦА

Ночь проходит, как черный бык, -
глыба мрака и страха с траурной шкурой, -
оглашая округу ревом, подобным буре,
сражая измученных и усталых;

и приходит день - белокурый,
жаждущий ласки ребенок малый,
который за далью где-то,
в обители тайны,
где встречаются все концы и начала,
поиграл мимоходом
на лугах заповедных,
полных тени и света,
с уходящим быком.

Перевод Н. Горской

122. МОГЕРСКИЕ РАССВЕТЫ

Тополя-изваянья
серебрятся в тумане!
А неприкаянный ветер,
скользя над темным заливом,
кольшет в размытой дали
землетрясеньем сонливым
розовую Уэльву!
В сиром жемчужном просторе
над Ла-Рабидой смутной,
где ночь покидает море,
в рассветной остуде хмурой,
за соснами над лагуной,
в рассветной остуде белой
сияющий образ лунный!

Перевод П. Грушко

Могер - город в Андалусии (юго-запад Испании),
в котором родился и провел детство Хименес.

Уэльва - портовый город в Андалусии.

Ла-Рабида - старинный монастырь, находящийся непо-
далеку от Уэльвы.

123

Поэзия! россыпь росы,
рожденная на рассвете!
прохлада и чистота
последних на небосводе
звезд - над свежеею правдой
утренних первых цветов!

Поэзия! зерна росы!
посеянное на земле небо!

Перевод Г. Кружкова

124

ПОЙ, ГОЛОС МОЙ, ПОЙ!

Ведь если о чем-то
ты умолчал,
ты ничего не сказал!

Перевод Г. Кружкова

125. БЕССОННЫЙ

Глизам, что бессонны,
быть может, я сон верну
у морей отдаленных.

Вдали от морей соленых
я не сомкну
моих глаз бессонных.

Плачи и стоны
слились в волну
желаний неутоленных.

Печалью бездонной
наполнили глубину
бессонницы перезвоны.

Не навевает влюбленным
любви новизну
ветер неутомонный.

Ветер неутомонный!
Позволь отойти ко сну
у дальних морей соленых!

Перевод Н. Горской

126

К тебе я в сон закрался,
чтобы найти, притихшая вода,
твоих глубин невиданные клады.

И я почти нашел, почти нашел -
там, в отраженьи звездном
небес, таких высоких и прозрачных, -

нашел... Но захлебнулся твоим сном!

Перевод А. Гелескула

127

Что с музыкой,
когда молчит струна,
с лучом,
когда не светится маяк?

Признайся, смерть, - и ты лишь тишина
и мрак?

Перевод А. Гелескула

128. ОДИНОКИЙ ДРУГ

Ты меня не догонишь, друг.
Как безумец, в слезах примчишься,
а меня - ни здесь, ни вокруг.

Ужасающие хребты
позади себя я воздвигну,
чтоб меня не настигнул ты!

Постараюсь я все пути
позади себя уничтожить,
ты меня, дружище, прости!..

Ты не сможешь остаться, друг...
Я, возможно, вернусь обратно,
а тебя - ни здесь, ни вокруг.

Перевод П. Грушко

129. ЗЕЛЕНАЯ ПТАХА

Я в реку войду,
пойду за водою следом
меж двух берегов зеленых.

Взгляну с берегов зеленых,
как все дальше бегу за водою следом,
как сливаюсь я на бегу
с красотой, остающейся на берегу!
Прощайте! Мне уходить не страшно,
оставляя себя в прекрасном!

Перевод Н. Горской

130. РОДИНА

Откуда - лепесток
прозрачный солнца?
Откуда
лоб мыслящий, томящееся сердце?
Откуда - хлынувший неудержимо
поток поющий?

Перевод Г. Кружкова

131

Укоренился прочно;
где же они,
твои корни?
В том дне, который наступит,
в завтрашних птицах и травах!

Перевод Г. Кружкова

132

Белое облако вдали,
ты мертвое крыло - но чье?
не долетевшее - - куда?

Перевод А. Гелескула

133. ЮГ

Бескрайняя, жгучая, злая
тоска по всему, что есть.

Перевод А. Гелескула

134. ЗЕЛЕНАЯ ПТАХА

Я - здесь.
Но осталось мое рыданье
у рыдающих горько морей
на побережье дальнем.

Я - здесь.
Но бесплодно это свиданье -

у моря осталась душа
рыдающей данью.

Я - здесь.
Но вам я другом не стану,
потому что плачет душа
на побережье дальнем.

Перевод Н. Горской

135. УТРО В САДУ

Спит ребенок в коляске...

Заливаются птицы.
На дрожащие краски
солнце в листьях дробится.

Сколько тянется утро
без конца и без края:
вечность или минуту?
О мгновенном и вечном
и не подозревая,
спит ребенок в коляске.

Заливаются птицы...
На дрожащие краски
солнце в листьях дробится.

Перевод С. Гончаренко

136. ИДЕАЛЬНАЯ ЭПИТАФИЯ

Апрель! Одинокий и голый,
белый мой конь, мой скакун счастливый...

Взметнулся, подобно взрыву, и росы
пролил на розы; и камни ворочал
в руслах потоков и напорожил
потопы света и птичьи взлеты.

Твой пот, твоё задыханье и пена
не по-земному прекрасны...
Скачи же, скачи, о мой конь атласный!
Апрель, апрель, ты вернулся -
белый скакун
растраченной страсти!

Взглядом тебя ласкаю, не отрываю
глаз от белой лунности лба,

где сверкает угольно-черный алмаз.

Апрель, апрель... Где же твой всадник светлый?
Погибла любовь, погибла, апрель!..

Перевод Н. Горской

137

Поймал ли тебя? Не знаю,
тебя ли поймал, пушинка,
или держу твою тень.

Перевод А. Гелескула

138.ИДЕАЛЬНОЕ МОРЕ

Свет маяка
словно вздох ребенка, который
почти что Бог - до нас едва долетает.

...Какие просторы!..

И мнится мне,
что зажжен маяк не для морей зловещих,
а для вечности вещей.

Перевод Н. Горской

139. МУЗЫКА

Внезапно, как взрыв
пронзенной болью души,
страсти струя раздробила
тень - так настезь открыв .
балкон, женщина, в ливне слез,
в наготы, простирает до звезд
порыв умереть ради смерти самой,
безумие жизни преодолев...

И - все, не вернется вновь никогда, -
как женщина или вода, -
но останется в нас, взрываясь, дробясь
огнем или отблесками огней, -
до скончания дней.

Перевод Н. Горской

140. ПЕСНЯ
(Серебристый тополь)

В выси - птицы пение,
а внизу - ручья.
Ввысь и вниз - стремление,
о душа моя.

К звездам - птиц влечение,
а к цветку - ручья.
Ввысь и вниз - смятение,
о душа моя.

Перевод Б. Андреева

141. МИНЕРВА

Как черная ночь глухая
полнотою мысли моей набухает!
Все затихает
под сенью тени! -

Как проникает темень
в игольное ушко сокровеннейших откровений,
глядя застывшей зеленью звездного взгляда!..
Темень, сова извечных загадок...

Перевод Н. Горской

Минерва - в римской мифологии покровительница ремесел и искусств; отождествляется с греческой богиней мудрости Афиной; на ее плече изображали сову - символ мудрости.

142. БЕССОННИЦА

Земля уснула. Я один сейчас
ее бессонный разум...

Когда б она могла,
с несчетными богатствами своими,
повиноваться мне! Когда бы вдруг
ум чей-то новоявленный - мой ум -
стал управлять огромным этим телом!

О яркий день,
в котором, воплотясь,
томления ночные могут стать
той силою, что движет миром!
Дай мне проснуться завтра на заре

владельцем правды, вечной и свободной!

Перевод Г. Кружкова

143. ПРИРОДА

Бесконечность моих устремлений -
красота, созиданье, счастье, любовь
сразу становятся мной.

И в бесконечность уходят без промедленья.

Перевод Н. Горской

144

Немая птаха,
пойманная смертью,
как смотришь на меня ты жалким оком
чуть розоватым, тусклым угольком
из-под совиных лап ее незримых,
как смотришь ты... да если бы я мог!

Перевод А. Гелескула

145. РОЗЫ

Ты мертва,
почему же печаль, как живая,
из очей твоих смотрит, по-прежнему черных?

Неужели на смерть обрекается радость?

И единственно вечное - наша печаль?

Перевод А. Гелескула

146. ПРИСТАНЬ

Мы спим, и наше тело -
это якорь,
душой заброшенный
в подводный сумрак жизни.

Перевод А. Гелескула

147. ТВОРЕНИЕ

Изо дня в день
как тяжек твой заступ, о свет!
рыть и себя зарывать
в белые недра бумаги...

И карабкаться до передышки
в послезакатном...

...От белизны бумажного жара,
угольным солнцем сжигаем,
преображенный, взлечу.

Перевод М. Самаева

Все времена года
(1923-1936)

148. ЦВЕТЫ В ГРОЗУ

Как птицы, цветы взлетают,
сбиваясь по-птичьи в стаи...
Цветы остаются...
(По-птичьи сбиваясь в стаи.)

Срываясь во мгле гремучей
под жернов тяжелой тучи,
цветы остаются...
(Под жернов тяжелой тучи.)

И, капая белой болью
и красной сочась любовью,
цветы остаются...
(Но капают белой кровью.)

Пусть молния блеском алым
их жалит, как алым жалом, -
цветы остаются...
(Их молния жалит жалом.)

Пусть гром орудийным залпом
изранит их нежный запах -
цветы остаются...
(Изранен их нежный запах.)

А птица грозы боится
.давно улетели птицы.
Цветы остаются...
(Давно улетели птицы.)

Как птицы, цветы взлетели,
по-птичьи рассыпав трели.
Цветы остаются...
(По-птичьи рассыпав трели.)

Перевод С. Гончаренко

149. ВЕРНУСЬ Я

Вернусь я на землю камнем
и вновь полюблю тебя женщиной.

Вернусь я на землю ветром
и вновь полюблю тебя женщиной.

Вернусь я на землю волною
и вновь полюблю тебя женщиной.

Вернусь я на землю пламенем
и вновь полюблю тебя женщиной.

Вернусь я на землю мужчиной
и вновь полюблю тебя женщиной.

Перевод М. Самаева

150. СЧАСТЬЕ

Рдеющий мак глядится
в зелень и синеву.

С тучкой, кубышкой света,
по небесам плыву.

Тополь весело смотрит
в зелень и синеву.

Дрозд в ликование свое
вобрал весь свет и листву.

Новая смотрит душа
в зелень и синеву.

Перевод М. Самаева

151. ПРИШЕДШАЯ ЗВЕЗДА

В апельсине звезда мерцает.

Кто эту звезду достанет?!

Приманите ее алмазом,
накройте сетью атласной!

На черепице звезда мерцает.
Кто эту звезду достанет?

О, как дохнула маем
вечного света мальва!

Сквозь ресницы звезда мерцает.
Кто эту звезду достанет?

Из травы, из тумана манит...
Осторожно - не то обманет!

Над любовью звезда мерцает!
Кто эту звезду достанет?..

Перевод Н. Горской

152. ВЕТЕР ЛЮБВИ

По верхней ветке иду вершиной
к тебе единой.

Поверх деревьев я в вышине,
но верхней ветке иди ко мне,
по самой верхней, зеленой ветке,
где все невечно и все навеки.

Поверх деревьев дорогу мечу
тебе навстречу.

Поверх деревьев, минуя сад,
находят счастье лишь наугад,
на верхней ветке, на самой верхней,
где чем надежнее, тем неверней.

Поверх деревьев, поверив чуду,
тебя добуду.

Меняет ветер в листе тона
так и с любовью, когда трудна.
Любовь и листья в ответ порывам
перемежают прилив с отливом.

Поверх деревьев тебя оплачу,
когда утрачу.

Перевод А. Гелескула

153. УТРАТА

Бесконечна ночь утраты,
и темна стезя.
Умиравший уходит -
и вернуть нельзя.

Он все дальше от надежды
на пути своем.
Но несбыточной надежда
умереть вдвоем.

И не легче пригвожденным
и одному кресту.
Все равно уходит каждый
на свою звезду.

Перевод А. Гелескула

154. МОЯ БЕДНАЯ ТОСКА

То, что стелется, - туман,
а не река.
И волна его растает,
как тоска.

То, что реет, - это дым,
а не крыло.
Он редет - и становится
светло.

То, что мучит, - не душа,
а только сон.
И все темное развеется,
как он.

Перевод А. Гелескула

155. ТИХАЯ ДОЛИНА

Над темной правдой
могильного сна,
как серая роза,
растет тишина.

Для крови - обитель,

для веры - исход;
вошла она светом
в молчание вод.

И вечно живое
притихло в волне
с людским одиночеством
наедине.

Перевод А. Гелескула

156. ЭТО МОЯ ДУША

Это не ты среди камыша
журчишь, вода золотая
речная, - это моя душа.

Это не птица, спеша
к радуге зеленокрылой, крылья
раскрыла, - это моя душа.

Это не ты, сладко дыша,
стала под ветром розовоцветной,
ветка, - это моя душа.

Это не ты течешь из ковша
заката, песенный ливень
неодолимый, - это моя душа.

Перевод Н. Горской

157. СИНЕЕ БЕГСТВО

Стелется небо в синем беге,
сходит на землю наяву.
Жизнь, окунись и кань навеки
в эту земную синеву!

Над погруженным небосклоном
так и стоять бы, как стою.
Высь на земле, лазурь в зеленом!
Только движенье - и в раю!

Душа и тело за причалом
и жизнь - как ответ синих вод.
Это конец, а было началом.
Синее русло! Синий исход!

Перевод А. Гелескула

158. ПОЛНОТА

Коснуться плеча,
коснуться волны,
коснуться луча,
коснуться стены.

Поверхность души
под ласкою рук.
Касание струн
и вечность вокруг.

Перевод А. Гелескула

159. МОЛНИЯ

Вижу я в черных грозах
твою золотую россыпь.

Из какого металла
небо тебя ковало?

Ты пролилась из розы,
эссенция тучи грозной?

Ты со звезды упала,
дрожь красоты небывалой?

Молния - блеск мгновенный
женственности нетленной...

Девятым магнитным валом
тридевять ты просверкала!

И, в дрожь меня бросив,
застыла холодной бронзой...

Перевод Н. Горской

На другом берегу
(1936 - 1942)

Полуденный холм
(1942 - 1950)

Реки, что уходят
(1951 - 1953)

160. РЕКВИЕМ

Когда - в ночи - века являют
всей красоты своей сиянье,
земли глубинное единство
объемлет своды мирозданья.

И наша жизнь постичь разгадку
существования стремится:
мы все - равны, мы все - царями
земли. Она одна - царица.

Ее бескрайний слышим голос,
огромный лоб ее над нами,
и собраны мы воедино
ее могучими руками.

И плоть людская - твердь земная,
и кровь людская - океан,
всех нас ее огонь сжигает,
всем нам единый воздух дан.

Она - навеки - вместе с нами,
и мы - навеки - вместе с ней;
за кратость жизни позволяет
узнать о вечности своей.
И нас высоким озареньем
земная одаряет твердь.
И нам надеждой: остаемся
в ней, что не знает слова "смерть".

Перевод В. Андреева

Стихотворением "Реквием" (Requiem) в "Третьей
пэтической антологии" открывается раздел "На другом бе-
регу" (En el otro costado), созданный поэтом в эмиграции.

161. ВНЕЗАПНАЯ СТРАНА

Что за яркий обман -
золотом и темнотою!

(В этой плоскости света
можно ли существовать?)

Что за игры азартные
у солнца со скалою!

(В той излучине мглы -
умирать?)

Перевод Г. Кружкова

162. Я ЗНАЮ, ОТКУДА ПТИЦЫ...

Все вечера
и с вечера до утра
пели птицы о птичьих красках.

(Не о раскраске
утренних крыльев ясных
в брызгах солнечного серебра.

Не о раскраске
вечерних грудок атласных
в искрах солнечного костра.

Не о раскраске
полдневных клювов алмазных,
которые вместе с цветами гаснут,
лишь придет ночная пора,
и - как мишура
не зажигаются до утра.)

Воспевали иные краски -
рай первозданный,
который люди ищут напрасно,
тот рай,
что знают прекрасно
птицы, цветы и ветра.

Птицы, цветы и ветра
благоухающие соцветья,
радужные веера...

Иные краски -
краски немеркнувшей сказки,
сновидений цветная игра.

Все вечера
и с вечера до утра
пели птицы о птичьих красках.

Иные краски -
ночные тайны птичьего царства,
цветные тайны радужного пера.

Неземные краски -

наяву я увидел чудо
никому не известные колера.

Я знаю, откуда
птицы приносят сказку
и о чем поют до утра.

Я знаю, из этой сказки
мои певучие краски
мне принесут ветра.

Перевод Н. Горской

163. МОРЕПЛАВАТЕЛЬ

И снова - море, лишь море
со мною.
(Там не звезда ли
блестит серебром неверным
из дымно-лиловой дали?)

А мне темнота сродни
(души не прельстить звездой),
лицом к необъятной мгле
придвинут я вечной мглою.

Там, в волнах, - воля моя,
в пустыне морской - надежда,
таинственно населены
темнеющие побережья.

Я - больше моря, но ум
ничтожество мне пророчит,
и в мире я одинок
темнейшим из одиночеств.

Лишь мгла, единая мгла
довлечет хляби и тверди,
земля одна и вода одна
для жизни. Или для смерти.

Перевод Г. Кружкова

164. НЕИЗМЕННО ТОЛЬКО ОДНО

Сосне посылает пальма
трепетный свет,
и трепетно пальме сосна
шлет свой ответ.

Смугло-зеленая ночь
была голубой и зеленой;
"надейся", - мне говорит
лик луны просветленный.

Но вера - всегда одна,
неизменно только одно:
в нашей душе живет
то, что свыше дано.

Перевод В. Андреева

Возможно, стихотворение "Неизменно только одно" (Pego lo solo) создано под впечатлением от стихотворения Генриха Гейне (1797 - 1856), широко известного у нас в переводе М. Ю. Лермонтова - "На севере диком стоит одиноко". Лермонтов несколько изменил смысл стихотворения Гейне. Если верно, что стихотворение Хименеса связано с произведением Гейне, то переводчик испанского поэта пошел "по пути Лермонтова": дело в том, что и по-немецки, и по-испански слова "сосна" и "Пальма" - мужского и женского рода, по-русски они - женского рода. Надо сказать, что Хименес высоко ценил творчество немецкого поэта книгу ("Далекие сады" (Jardines lejanos; 1904) он посвятил "бессмертной памяти Генрихе Гейне".

165. ЭТА СОБАКА

Голубизна голубых глубин -
в запредельность душа стремится!
Бог лазурный подголубил
все земное своей десницей.

Вышина, сошедшая с вышины,
в ладони мои струится;
собака по улицам тишины
проходит Богом лазурнолицым.

Однако не сон ли приснился мне?
И эта собака, быть может, снится...
Или я видел ее в вышине,
с Богом лазурным желая слиться? ..

Перевод Н. Горской

166. С РАДУГОЙ

Манит меня игра
на арфе в недвижных тучах,

музыка золота и серебра
над вечным сияньем жгучим.

В скрещенье этих лучей двойных
я бы думы свои озвучил:
высокую облачность дней моих
с радугой на небесной круче;

тебя, негаснувший оком, -
виденье ночей летучих,
твое отраженье в сердце моем,
мое устремленье к тучам.

Перевод Н. Горской

167. ДАЛЬШЕ, ЧЕМ Я

Последние вспышки заката,
за собой вы что увели?
все мое, что исчезло в небе,
все мое, что взяла земля,
все мои затонувшие корабли?..

Что за далью, в этой дали
дальше моря и неба,
дальше предельных пределов земли?

Дальше веков, что во мрак ушли,
дальше грядущих эпох,
дальше смертей и рождений,
распыленных в звездной пыли?

Дальше меня и моих озарений,
дальше снов, что былъем поросли,
дальше предбытия и небытия
моего - дальше моей неземли?

Дальше, чем я и мое ничто,
дальше, чем я в ничто - на мели
всех никуда, никогда и нигде,
дальше дали самой... и - дальше - вдали?

Перевод Н. Горской

168. СОСНЫ ВЕЧНОСТИ

На запоздалом рассвете
скоро и я в синеву,
за корабельную рощу,
к вечной сосне уплыву.

Нет, не под парусом белым.
Вынесет тело волной,
той молчаливой, что сменит
мертвую зыбь тишиной.

Там, где свидания вечны,
с солнцем сойдется звезда
и не пришедшего встретит
тот, от кого ни следа.

Будет нас пятеро равных
в сетке теней на свету.
Равенства голая сущность
все подведет под черту.

Из бесконечного вычестъ
так же нельзя, как причестъ.
Раз несущественна разность,
все остается как есть.

И чтоб душа не смолкала
в их отголоске морском,
вечные сосны сомкнутся
над перевозанным песком.

Перевод А. Гелескула

169. ИЗВЕЧНЫЙ КАРМИН

Этот кармин не иссякнет,
кармин вечерних долин,
карминовая кантата
из глубины глубин.

В лиловой ночи необъятной
горит заката кармин;
рядом с рассветом красным
горит заката кармин;
рядом с лазурным полднем
горит заката кармин.

Заката карминные волны,
стойкой сосны рубин -
беспредельное умиранье
пламени среди руин.

В сердце, тоской объятom,
горит заката кармин;
в сердце карминно-красном
горит заката кармин;

в сердце бесстрастном
горит заката кармин.

Никогда не погаснет
небесный костер-исполин,
вечности яркая ясность
за пределом земных долин.

Перевод Н. Горский

170. ЛУЧШАЯ НОЧЬ

Я успокаивал долго
и убаюкал как мог,
а соловей за стеною
даже к утру не замолк.

И над постелью звенели,
тая, как вешние льды,
самые синие звезды,
все переливы воды.

"Слышишь?" - я спрашивал. "Слышу,
голос, как дальний отлет,
сник и приблизился снова:
Как хорошо он поет!"

Можно ли было иначе
слышать разбуженный сад,
если душа отлетала,
силясь вернуться назад,

если с последним усилием
стало светлей и больней
видеть последнюю правду
и потерять себя в ней?

Можно ли было иначе
там, на исходе своем,

слышать уже ниоткуда
слитно со всем бытием?

перевод А. Гелескула

171. ДЕРЕВЬЯ-ЛЮДИ

С волнами мглы
пройдя сквозь густой шиповник
(были цветы нежны и круглы),

я прокрался под вечер
туда, где застыли стволы.

Одиночество было извечным,
был бесконечным немой простор.
Я деревом стал меж деревьев
и услышал их разговор.

Улетела последняя птица
из моего тайника,
только я остался в укрытье,
где клубились темные облака.

Я собой не хотел становиться -
я боялся вызвать их гнев,
как дерево чуждой породы
среди народа вольных деревьев.

И они позабыли мой облик -
облик блуждающего ствола,
и, безликий, я долго слушал,
как беседа деревьев текла.

Я первой звезды дождался
и вышел на берег реки,
где играли лунные блики,
невесомые, как светляки.

Когда я к реке спускался,
деревья смотрели издалека.
Они обо мне догадались,
и меня забрала тоска.

Они обо мне говорили
сквозь опаловый зыбкий туман
я слышал их добрый шепот...
Как же им объяснить обман?

Как сказать, что я только путник,
что им совсем не родня?
И не смог я предать деревья,
что поверили вдруг в меня.

Знает полночная тишина,
как я с ними беседовал допоздна.

Перевод Н. Горской

172. САМЫЙ ПОДЛИННЫЙ

Как голос самой судьбы,

зовут петухи тоскливо,
и, сон раздвигая, люди
встают, как на край обрыва,

Когда обожгло зарею
разломы в сосновой кроне,
глаза он один не поднял,
далекий и посторонний.

Стихали слова вошедших,
и кротко сопели звери,
по-женски дохнуло дымом,
и даль распахнули двери.

И колос, вода и птица
яснели как на ладони,
но он не взглянул ни разу,
далекий и посторонний.

(Где видел теперь он воду
и птичий полет над нею,
откуда глядел он - навзничь,
как желтый сноп, цепеня?)

Но так и не подняв веки,
но так и не подав вести,
далекий и посторонний,
теперь на своем он месте.

(Он там начеку, простертый,
стоит, как река на шлюзе,
и жажда водою стала,
правдивейшей из иллюзий.)

Глаза он один не поднял
и, счеты сведя с судьбою,
навек в себе остался
и стал наконец собою.

Перевод А. Гелескула

173. ВОПРОСЫ К ЖИВУЩЕМУ

Первый
С корнем внутренним рожден ты,
проходящий по камням?

Со своею почвой сплавлен
так же ты, как я с моею?

Странствующий вместе с ветром,

у тебя наружный корень?

Сон к тебе слетает, точно
к средоточью и опоре?

Второй
И тебе громады-гучи
груз свой на плечи кладут?

Солнце гасит головешки
также и в твоём саду?

Ни во что ты тоже ставишь
всю нездешнюю тщету?

Третий
(соснам-людям)
Вы и здесь и там? Об этом
нам вы, людям, говорите?

Бесконечность ваши корни
одинаково магнитит?

Ваш доносится ветрами
этот тихий шум подзвездный?

Бор - единственный? И всякий -
тот и этот - только сосны?

Четвертый
От свинца глухих небес
ты скрываешься в дому?

Ждешь дня завтрашнего, чтобы
отослать его во тьму?

Родины своей не знать
даже в вечности ему?

Пятый
Крашек какого рая
перья облачков в кармине?

С упованием каким
ждешь конца, следя за ними?

Соскользнет ступня - в каком
море взгляд твой захлебнется?

Распадение дыханья
с верой! Гаснущие солнца!

Перевод М. Самаева

174. ПОСЛЕДНИЙ РЕБЕНОК

Какая музыка в закате,
как полнозвучна и легка -
от необъятности покоя
она уходит в облака !

Я ухожу легко и твердо,
легко и твердо, вместе с ней,
как по волнам песка ступаю
во сне - в своем ребячьем сне.

Селенье белое, в пожаре
заката, ждет вдали меня,
селение, где все застыло
в последнем отблеске огня,
где крик над площадью распластан,
пронзительный застывший крик,
последний крик, который в туче,
в закатном пламени возник.

И в центре, в самом сердце крика, -
все, что ребенок увидал,
все, что хотел бы он увидеть,
все, что не видел никогда.

Все человечество - ребенок,
и я: ребенок ли, старик, -
я все ребенок, о найденыш,
потерянный мной - в тот же миг.

Перевод В. Андреева

175. БЕЗМОЛВНОЕ МИРОЗДАНИЕ, ТЫ, ЧТО МЕНЯ ОКРУЖАЕШЬ

Море было огромнее неба.
Но огромней ли моря небо сейчас?
Море вышло навстречу - всей ширию,
и сужается - сзади нас.

То, что нас уносит, - не море?
Нас к лазури оно вознесет!
(То есть - к нам?) В моем сердце трепещущем
мироздания сердце живет.

(И становится море - черным,
одиноким волн полно;

снова море - от края до края,
всюду море - и только оно.)

Высь, ты нас в небеса поднимаешь,
низвергаешь в пучину опять, -
бесконечное это кружение
суждено ли кому осознать?

Мирозданье, меня окружившее,
закружившее шар земной, -
что ты нам подаешь на ладони,
что ты просишь своей немотой?

Необъятность, глухая, слепая,
в моем сердце всегда трепещи
и в кружение своем непрерывном
цельность жизни и цель отыщи!

Перевод В. Андреева

176

И знаю, стала ты светом,
но не ведаю, где ты,
и не знаю, где свет.

Перевод А. Гелескула

177. ЦВЕТА; ИДЕИ

Цвета, в которые свет одевает тело,
бодрят, будоражат, уводят от небытия;
идеи, в которые тень одевает душу,
гнетут, будоражат, мне не дают житья.

Зачем нам эти цвета, зачем нам идеи эти,
перемешавшие тень и свет?
Они существуют?
Или их нет? ..
Их судьба, быть может, - светотени небытия?
Небытие меж светом и тенью - это судьба моя?

Перевод Н. Горской

178. ТЫ ОДНА...

Нет, не Венера, ты
одна, навсегда:
моя звезда вечерняя,

моя утренняя звезда.

Перевод В. Андреева

179. ГОВОРИТ МНЕ РЕКА ГВАДИАНА

Вспомни мои зеркала,
где отражалось тогда
все, что река унесла...
Не постарела вода.

Перевод А. Гелескула

Гвидиана - одна из крупнейших рек Пиренейско -
го полуострова, впадает в Атлантический океан в Андалусии.

180. ЭТА БЕЗБРЕЖНАЯ АТЛАНТИКА

Бездна одиночества одна.
И один идешь к ней издалека
одинок, как одна волна
в одиноком море одинока.

Перевод А. Гелескула

181. ЦВЕТ ТВОЕЙ ДУШИ

Тебя целую, - солнца яркий свет
сливается с листвой, что им прогрета,
в поток единый; половодье света
моя любовь, в которой смерти нет.

Но ни зеленый цвет, ни белый свет
не донесут мне от тебя привета;
прощаясь, миру оставляет лето
цвет солнца - темно-золотой: твой цвет.

Он - цвет твоей души; в твоих глазах
огонь струится, золотом мерцая;
день светозарный гаснет, в небесах
цвет золота на красный цвет меняя;
ты угасаешь; Но в твоих глазах -
мой мир и вера: жизнь моя земная!

Перевод В. Андреева

Стихотворение: "Цвет твоей души" (El color de tu alma) - последнее в "Третьей поэтической антологии".

Приложение

6

Над слюдюю речного плеса,
над стеклом в золотых отливах
зачарованный берег в белых
тополях и зеленых ивах.

Бьется в русле уснувшем сердце,
льется в сонной излуке лето,
и реке упоенной снится
женский голос, и голос флейты.

Зачарованный берег... Ивы
окунулись в затон глубокий
и целуют во сне ветвями
золотое стекло затоки.

И рукою подать до неба,
и течет это небо сонно,
голубым серебром тумана
глядя водную гладь и кроны.

Примечтался сегодня сердцу
этот берег с плакучей ивой,
и решило оно за счастьем
плыть по воле волны сонливой.

Но у самой воды внезапно
на глаза навернулись слезы:
зачарованный голос песню
пел совсем у другого плеса.

Перевод С. Гончаренко

10

Я не вернусь, и ночью,
молчащей, теплой, спокойной,
весь мир уснет под лучами
своей луны одинокой.

Тела моего здесь не будет,
и войдет свежий ветер
в открытые настежь окна,
чтобы справиться о моей душе.

Не знаю, будут ли ждать меня

из долгой двойной отлучки
и беречь воспоминания
со слезами и поцелуями.

Но будут цветы и звезды,
и вздохи, и надежды,
и поцелуи на улицах
под тенью ветвей и стен.

И опять прозвучит рояль,
как этой спокойной ночью,
но не будет того, кто слушает
задумчиво у моих окон.

Перевод О. Савича

25

Ночь и ночная дорога
это одно и то же.
К тайне твоей любви
иду по черному бездорожью.

К тайне твоей любви
ветром морей тревожных,
светом горных вершин,
ароматной цветочной дрожью.

Перевод Н. Горской

53. ПИРЕНЕИ (Воскресная ностальгия)

Над испанской границей вечерняя тишь...
Под негаснущим солнцем вершины искрятся
мироздания врата... Очертанья шиферных крыш
остались во Франции -- задником декораций.

С колокольни Сальента к нам долетает звон
воскресный... Ветер в зеленых скалах резвится.
И пахнет югом. И западный горизонт
багрян. И светло струится пшеница.

Мычанье красных коров, тяжелых от молока,
идиллических пастбищ очарованье.
И речь пастуха сердцу до боли близка...
И над родиной - тень вечернего умиранья...

Блаженство, покой, глухомань. И бредут стада,
и - как звездами высь - полны луга бубенцами.

Глухомань, блаженство, покой. И поет вода,
и колокольчики вторят звонкими голосами.

Перевод Н. Горской

60. ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

По золотой дороге уходят дрозды, уходят... А куда?
По золотой дороге розы уходят, уходят... А куда?
По золотой дороге, по золотой дороге я бреду...
А куда? Осень, ответь. Ответьте, птицы и цветы.

Перевод В. Михайлова

95

Сначала явилась в белом,
чиста, как сама невинность,
и я влюбился по-детски.

Потом пришла разодетой
в немислимые наряды,
и я ее втайне проклинал.

А там предстала царицей,
кичащейся жемчугами...
О, как я зашелся гневом!

Но сбросила эту роскошь,
и я улыбнулся.

Осталась в одной тунике,
чиста, как была когда-то.
И вновь я в нее поверил.

Потом сорвала тунику
и встала совсем нагою...
Поэзия, моя мука,
нагая, моя навечно!

Перевод Б. Дубина

95

Сначала пришла невинной
под девическим покрывалом,
и я, как дитя, влюбился.

Но платье она сменила

разоделась, будто для бала,
и я от нее отвернулся.

Явилась потом царицей,
в драгоценностях небывалых,
и в гневе я задохнулся!

...Но она раздеваться стала.
И я улыбнулся.

Осталась в одной тунике,
маня простотой античной.
И вновь я к ней потянулся.

И сняла под конец тунику
и во всей нагоде предстала...
О поэзия, - страсть моей жизни!
нагая, моя навеки!

Перевод Н. Горской

116

Бабочка света,
красота ускользает,
едва прикоснусь к ее розе.

И гонюсь я за ней, ослепший...
И то там, то здесь наступаю...

А в руках остаются
одни очертания бегства!

Перевод А. Гелескула

121. ВЕЧЕР

Как ясно, на ветру шумя в деревьях,
мне говорит душа,
что я во всем.

Перевод А. Гелескула

138

Что в руке у меня? Я не знаю -
ты ли это, легче пушинки,
или - это лишь тень твоя?

Перевод В.. Михайлова

141. ПЕСНЯ
(Серебристый тополь)

В кроне птица поет,
ключ - в корнях камыша.
С песней вод и высот
оживает душа.

Птица звезды качнет,
ключ - побег камыша.
Зыби вод и высот
отзовется душа.

Перевод Б. Дубина